

Минь Сюсю вышла из комнаты Чжань Чжао, неся в руках таз с водой. На ходу она тяжело вздохнула, не в силах скрыть нахлынувшее чувство бессилия.

Рана от стрелы на его узкой спине всё ещё не заживала. Как лекарь, она смотрела на это с невыразимой болью в сердце, но сам юноша, едва достигший совершеннолетия, казалось, относился к своему состоянию куда спокойнее.

— Ничего, — тихо и мягко проговорил он ей вслед, — уже не болит.

От этой кротости становилось лишь горше. Та стрела была не просто острой — её наконечник был пропитан ядом.

Когда Сюсю вносила таз, вода в нём была прозрачной и чистой, набранной из колодца в заднем дворе Кайфэн-фу. Для верности она даже велела её вскипятить. Теперь же, когда вода исполнила свой долг, по ней расходились густые багряные разводы.

Цвет был ярким, почти праздничным, но от этого зрелища резало в глазах.

«Едва достиг совершеннолетия», — вновь пронеслось у неё в голове.

Она приглушённо выдохнула, чувствуя, как тает прежняя неприязнь. В таком положении она просто не могла больше злиться на него. Да и не был этот юноша ни в чём виноват — он лишь стойчески скрывал страдания, прикрываясь едва заметной улыбкой и этим своим «не болит».

Разве могло не болеть? Чтобы выгнать яд из тела, пришлось пролить немало крови. И эта алая жидкость текла сейчас так же неустанно, как воды реки Бяньлян, пронзающей Бяньцзин: то бурная и неистовая, то обманчиво тихая.

Иногда она напоминала ей Бай Юйтана. Иногда — Чжань Чжао.

Но на обоих смотреть было одинаково тяжело. Сколько же ещё мучений должно выпасть на долю этого юноши, прежде чем он обретёт хоть каплю покоя? Он был так бледен, что у Минь Сюсю защемило в груди. Будь его мать жива, она бы облилась слезами при виде сына.

Сзади скрипнула дверь. Минь Сюсю подняла глаза: неподалёку, у соседней комнаты, стоял господин Гунсунь Цэ. В его взгляде читалась та же трудноскрываемая тревога.

Она всё поняла без слов. Чжань Чжао был для Гунсуня таким же близким человеком, как Бай Юйтан для неё самой. Они стали семьёй, и видеть, какую боль терпит этот юноша, было свыше их сил.

Минь Сюсю натянуто улыбнулась:

— Худшее позади. Почти вся отравленная кровь вышла. Теперь всё зависит от него самого и долгого отдыха. Защитник Чжань крепок телом, месяц-другой — и поправится.

Это была правда. Учёный юноша действительно сумел вырвать свою жизнь из лап смерти. Ценой невероятных усилий...

Секретарь Гунсунь наконец облегчённо выдохнул и погладил бороду:

— Вот и славно. Вот и хорошо... Господин Бао тоже места себе не находил от беспокойства.

Бао Чжэн, будучи академиком Павильона Драконьих чертежей, был по горло завален делами, но этого юношу он всегда считал почти родным сыном. Пока Чжань Чжао был в беспомощности, он навещал его по нескольку раз на дню. А сегодня утром, услышав, что Защитник Чжань наконец пришёл в себя, господин Бао так преобразился от радости, что даже забыл о своей обычной суровой степенности.

Жаль только, что дела государственной важности не позволяли ему неотлучно сидеть у постели больного, как Минь Сюсю сидела подле Пятого брата.

Сюсю снова слабо улыбнулась, кивнула Гунсуню и ушла, стараясь не смотреть на багряную воду в тазу. Она подумала, что Юйтан тоже вот-вот должен очнуться, и надо бы проверить его...

Однако прежде чем Пятый господин Бай открыл глаза, в Кайфэн-фу произошло нечто, повергшее всех в глубокое смятение.

— Где Защитник Чжань? — этот вопрос задал сам господин Бао.

Именно он, вечно занятый попечитель правосудия, первым обнаружил исчезновение Чжань Чжао. В тот миг лицо Бао Лунту стало мрачнее обычного, а на и без того строгом лбу прорезались глубокие складки тревоги. Чжань Чжао, этот всегда послушный юноша, на сей раз поступил по-своему.

Минь Сюсю вскрыла конверт, который кто-то прижал дном чайника. Пробежав глазами по строчкам, она лишь нахмурилась, не проронив ни слова.

Трудно было понять, радоваться этому или горевать. Короткое послание не давало ответов, лишь порождало новые вопросы.

«Защитник Чжань взят мною на излечение. Не беспокойтесь».

Всё произошло слишком внезапно и вопреки здравому смыслу. Люди в Кайфэн-фу, привыкшие к опасностям, невольно начали предполагать худшее. Кто мог увести Чжань Чжао? С какими

намерениями? С какой целью?

Полная неизвестность.

Секретарь Гунсунь держал в левой руке тонкий лист рисовой бумаги, а правой задумчиво перебирал волоски бороды. Казалось, в его голове уже начали складываться некие догадки.

— Господин Гунсунь, есть зацепки?

— Это письмо писал не Защитник Чжань...

— Это и так ясно, — буркнула Минь Сюсю. — Не сам же он себя похитил.

— И всё же, — продолжал Гунсунь, — хоть почерк и отличается, в нём проглядывает некое сходство. Возможно, человека и вправду увезли ради его же блага. Но вот это пятно...

Пятно? Минь Сюсю присмотрелась. Перед единственной короткой фразой красовалась жирная клякса. Автор явно что-то написал, а потом густо замазал, решив скрыть написанное.

Сюсю забрала лист и долго всматривалась в него, пытаясь разобрать зачеркнутые иероглифы. В таких делах лучшим мастером был сам Бао Лунту.

Господин Бао поднёс бумагу к пламени свечи. Через мгновение он негромко произнёс, разглядев проступившие контуры:

— Изначально там было... «Сяо Цзю»...

Сяо Цзю?

Имя звучало ласково, по-домашнему. Но оно не имело никакого отношения к Защитнику Чжаню. Или же похититель просто ошибся человеком?

Но увести тяжелобольного из места, которое охраняли лучшие стражники, присланные самим Императором (Жэнь-цзун чувствовал вину за ранения Чжаня и Юйтана после битвы в Сяньяне), мог только человек с невероятным мастерством кунг-фу. Оставалось лишь надеяться, что этот таинственный незнакомец не обидит измождённого юношу.

Однако беды не приходят поодиночке.

У ворот Кайфэн-фу остановились паланкины. Евнух Ли, посланник с императорским указом, торжественно нёс свиток из жёлтого шёлка. Его тонкий, пронзительный голос разнёсся по

двору:

— Чжань Чжао, императорский телохранитель четвёртого ранга, слушай указ!

Сердце Бао Чжэна ёкнуло, но ему ничего не оставалось, как выйти навстречу.

— Достопочтенный Ли...

— Господин Бао, не стоит церемоний. Его Величество знает, что Защитник Чжань тяжело ранен и слаб, посему дозволил обойтись без поклонов. Прошу, ведите меня к нему...

— Защитника Чжаня сейчас... — Бао Чжэн сглотнул, но голос его остался твёрдым. — Его нет в Кайфэн-фу.

— Что?!

Скрыть правду от наметанного глаза евнуха было невозможно. Бао Чжэну пришлось вкратце обрисовать ситуацию.

— Кто-то сумел выкрасть человека из-под такой охраны? Увести его из самого сердца Кайфэн-фу? Невероятно... Кто же обладает такой силой?

— Господин Гунсунь сейчас изучает оставленное письмо, хотя...

Маленький клочок бумаги, одна короткая фраза... Много ли в ней проку? Бао Лунту горько усмехнулся. Всё это походило на несбыточную надежду.

— Господин Бао, не тревожьтесь. Я сейчас же...

— Погодите, почтенный. У Его Величества и так много забот, не стоит волновать его раньше времени. Защитник Чжань слаб, с ним на руках похититель далеко не уйдёт...

Евнух Ли вздохнул и свернул было уже развернутый шёлк:

— В таком случае, господин Бао, я вручаю этот указ вам.

На жёлтом шёлке чётко чернела тушь.

«Милостью Небес, Император повелевает. За проявленную доблесть и великие заслуги в Сяньянском походе повысить Чжань Чжао в чине до второго государственного ранга. Да будет

так».

Но к чему теперь эти почести и ранги? Бао Чжэн принял сияющий золотом свиток, но на душе у него было беспокойно. Замыслы Императора всегда были глубоки, и сейчас разгадать их было невозможно.

Однако воля государя священна.

— Подданный Бао принимает указ, — ровным голосом произнёс он.

<http://bllate.org/book/17406/1648661>